

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Отмщение за Аню

Прошло три недели после событий, описанных в «Бедной Ане».

Я со своим ближайшим соратником сидел в небольшой кофейне в центре Москвы. На улице шёл мелкий дождик, кофе был тёплым, делать нам ничего не хотелось.

Молчание первым нарушил мой соратник...

— Ну что, оберст? Как там Аня?

— Всё в порядке. Ей здорово досталось, но она везучая. Ни единого перелома.

— Неплохо, оберст.

— Скажи честно, Маньячный, я трус?

— Оберст! Откуда подобные мысли?

— Понимаешь, тут многие неприятели говорят, что я не предпринял ни одной попытки ей помочь...

— Ну да! Её там десяток вооружённых отморожков держал, тебя запинали до полусмерти и бросили. Хорошо хоть нам сумел звякнуть. Забей! Общество никогда не поддержит нацистов, если оно живёт по ложным идеалам. Для них лучше терпеть унижения от нелегалов-гастарбайтеров и позволять своим дочерям быть шлюшками у арабских шейхов, чем поддержать нас. А мы-то хотим, чтобы наши соотечественники были счастливы! А они этого понять упорно не желают!

— Да, Маньячный, памятника при жизни нам не видать, — усмехнулся я.

Тут в кармане у меня зазвонил телефон.

— Слушай, оберст, — просипел голос в трубке, — мы поймали тут одну шлюшку из руководства враждебной группировки, что на вас с Аней тогда напала. Давай, подваливай, мы ждём вас на 50-м километре Ярославского шоссе.

— Поехали, Маньячный, — сказал я. — Дело есть.

Мы сели в потрёпанный «Ниссан» и поехали в указанном направлении.

— Оберст, ты уже не паришься по поводу людской неблагодарности? — спросил Маньячный, когда мы ехали по проспекту Мира.

— Нет. Это наши убеждения, — ответил я, подрезая какую-то «копейку». — Пойми, Маньячный, у нас наверху есть очень влиятельные покровители. Им постоянно перекрывают кислород, но они всё равно выпутываются. Они пока не могут прийти к власти, но будь уверен... этот Судный день когда-нибудь настанет.

— Когда?

— Не знаю. Основная масса народа нас не сильно-то и поддерживает. Но в будущем...

— Обидно, оберст, что мы всего лишь шестёрки...

— Забей. Мы всего лишь студенты! Мы даже ВУЗ ещё не окончили! У нас ещё всё впереди! Да и не такие мы и шестёрки... Мы же не рядовые быки... Не парься!... Давай, лучше взбодрись. Сейчас мы хоть отыграемся. Где-то через час мы свернули на просёлочную дорогу и подъехали к группе молодых парней, стоящих возле четырёх машин.

— Привет, оберст!

— Салют! Где шлюшка? В сторожке?

— Да. Пошли. Что с ней сделаем? Изнасилуем и прикончим?

— Там посмотрим.

В сторожке на полу лежала связанная девушка в белом купальнике. На вид она была мне ровесницей, я готов был спорить, что она ещё не разменяла второй десяток.

— Начинайте! — приказал я.

Один из парней взял мизинец девушки и засунул в тиски, после чего крепко закрутил. Раздался неприятный хруст и дикий вой через кляп.

Я подошёл к ней и присел на корточки.

— Какие чудесные локоны, — подумал я. Не в силах совладать с собой, я дотронулся рукой до её вспотевшего лба и откинул назад прядь её роскошных волос. На душе стало пакостно. Года два назад у меня была подруга с такими же чудесными волосами. Я её искренне любил, забрасывал дорогими подарками и в буквальном смысле слова носил на руках. Но она меня бросила. Променяла на какого-то придурка из заштатного института. У него не было ни ума, ни способностей, ни любви к ней. А я её любил. Аню сейчас я люблю далеко не так. Но она меня бросила и начала кадрить того парня. Он на неё нуль внимания. А я от отчаяния пошёл в нацисты, где и выслужился за два года... Руки по локоть в крови, презрение и ненависть окружающих и практически никаких шансов на победу. Ладно. Я постарался отогнать от себя эти мысли.

— Что, попалась? — спросил я девушку. — Мне следует тебя убить, но я могу дать тебе шанс выжить. Хочешь? Пленница кивнула.

— Хорошо. Ты должна перенести всё, что мы с тобой сделаем, а потом убраться из России навсегда. Ясно? Повторный кивок.

— Несите её.

Девушку вынесли из сторожки.

Для начала её привязали к толстому дубу.

— Итак. Пытку для Ани с водой разработала ты. Это я знаю. Посмотрим, как ты сама это вытерпишь. Я не такой идиот как ты. 10 литров тебе не осилить. Удержи в себе только 3.

В руках моих подчинённых появились шесть бутылок воды по 0,5 литра.

Девушка была напугана до смерти. Она послушно выпила всю жидкость, не поморщившись. Мы стояли и ждали.

Прошло минут 15. Пленница проявляла явные признаки беспокойства.

Она пыталась ёрзать, но верёвки достаточно крепко держали её. Правда, расцарапать в кровь спину она-таки умудрилась. Пальчики её ног судорожно сжимались и разжимались, на лбу выступил пот. Она слегка постанывала. Кляп её в рот никто повторно не всунул... даже начини она кричать, никто не услышит.

— Слушай, оберст, — взмолилась она. — Сколько мне ещё терпеть?

— Как ты приказала Ане. Час. Ни минутой больше.

Девушка замолчала.

— Правда, ты не заслуживаешь права спокойно стоять, — сказал я. — Рыжий, она твоя на пять минут.

Один из бугаев с нашивкой на рукаве подошёл к жертве.

Молча спустил с неё трусики и без лишних слов вошёл в неё своим органом.

Девушка задержалась и застонала.

— Помни, ни капли мочи, — сказал я. — Иначе убьём на месте.

Рыжий тем временем кончил и отошёл от жертвы.

— Доктор, твоя очередь, — коротко сказал я.

Студент-медик по кличке Доктор достал набор булавок и приблизился к девушке.

Три булавки он воткнул в половые губы пленницы. Она дико закричала и сделала попытку сжать ноги. Но Доктор спокойно развёл их снова в разные стороны. Бёдра девушки дрожали, она отчаянно боролась с давлением в мочевом пузыре, но боль мешала ей сдерживаться.

Доктор проткнул булавками её нежные соски, воткнул ещё четыре ей в лоб и опустился перед ней на колени.

— Такого оргазма ты ещё не испытывала, сучка, — тихо и без злобы сказал он. После он воткнул булавку её в клитор. Такого нечеловеческого крика некоторым из нас ещё не приходилось слышать. Впрочем, я слышал и не такое. Потом под каждый пальчик её ножек Доктор также загнал по иголке.

— Слушай, оберст, — сказал мне Рыжий, — а ведь сучка не ссыт. Хочет жить.

— Ничего, — ответил я. — Ещё не вечер.

— Ну да, — усмехнулся Рыжий. — Только шесть часов.

Я пропустил колкость мимо ушей.

Тут Доктор воткнул ещё одну булавку девушке в клитор.

Она дёрнулась всем своим прекрасным телом, пальчики её ножек судорожно сжались, отчего иголки ещё глубже вогнались ей под ногти. И тут из неё потекла маленькая струйка мочи, которая тут же превратилась в мощнейший поток, который снёс две булавки, торчащие из клитора. Пленница охнула и потеряла сознание.

Через минуту её привели в чувство.

— Ты обоссалась. И должна умереть, — сказал я. — Но у тебя есть ещё один шанс.

Воспользуешься? Девушка кивнула.

— Хорошо. Полежи-ка 25 минут на муравейнике.

Девушку положили на муравейник, предварительно разворошив его.

После ей раздвинули ноги и намазали промежность мёдом.

Такого крика этот лес, по-моему, ещё не слышал.

Наша жертва металась по земле, истошно кричала, но не могла совладать с насекомыми.

Впрочем, 25 минут она выдержала. После её окатили кипятком, чтобы уничтожить муравьёв.

Нежная кожа пленницы покрылась волдырями.

— Всё, теперь все желающие могут её отыметь, — сказал я. — Только презервативы оденьте, а то ещё вычислят нас.

Следующие 20 минут была оргия. Бедную девушку отымели во все щели и дыры.

После её окунули в речку, чтобы смыть сперму и уничтожить улики.

— Убить её? — спросил Рыжий.

— Нет, пусть живёт, — ответил я.

— Ты что, оберст! Она же нас сдаст!

— Никогда. Ей этого урока хватило. Ты же уедешь из страны? — спросил я у неё.

Пленница быстро-быстро закивала головой.

— Хорошая девочка. Ты же нас не сдашь? Учти, сдашь, мы тебя из-под земли достанем.

Жертва отрицательно завертела своей красивой головой с роскошными локонами.

— Ладно, поехали.

На Ярославское шоссе выехали пять машин. Из одной из них выкинули еле живую хорошенькую девушку в разорванном купальнике. Она упала на обочину и замерла. Но она осталась жива, это я знал точно. Четыре машины поехали в целях конспирации к Сергиеву

Посаду, а мы с Маньячным поехали прямо к Москве.

— Слушай, оберст, — обратился ко мне соратник, — ты её не убил потому, что она похожа на ту твою несчастную любовь? На эту...

— Стоп, — перебил я его. — Не называй её имени. Мне это больно.

— Ты что, всё ещё её любишь?

Я лишь слабо кивнул.

— А как же Аня?

— А что Аня? Ты меня упрекаешь?

— Никогда в жизни, оберст. Ты же мой учитель. Скажи, а зачем ты её не убил? Только из-за сходства с этой... м-м-м... девушкой?

— Нет, не только. Она же нас всё равно не сдаст. А я хочу дать ей то, чего у нас с тобой никогда не будет, чего общество нам никогда не позволит.

— Что именно?

— Второй шанс